УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 148, кн. 1 Гуманитарные науки *2006*

УДК 167:316.3

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЗАТРУДНЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Е.С. Маслов

Аннотация

Наиболее удобный материал для гуманитарных исследований представляет собой результат цепочки: «возникновение мысли – ее рефлексия – целенаправленная экстериоризация в знаковой форме – фиксация в знаковой форме». Творчество интеллектуальной элиты обычно предстает перед исследователем в таком виде. Содержание массового сознания не проходит этот путь, что порождает сложности в его изучении. Сущность многих методов исследования массового сознания – искусственное «достраивание» звеньев этой цепочки.

Гуманитарные дисциплины изучают и осмысливают мир человека, для чего им нужно до этого человека какими-то путями добраться. Те же из этих дисциплин, которые интересуются не только и не столько внешними проявлениями человеческой деятельности, сколько тем, что происходит в человеческом сознании, проблемой «путей к человеку», озабочены в особенности. Сложность прокладывания этих путей неодинакова для разных аспектов и областей исследования. В настоящей работе анализируются некоторые сложности, возникающие при исследовании массового сознания и некоторых других, близких ему слоев общественного сознания, – те сложности, из-за которых изучение этого круга явлений на сегодняшний день все еще испытывает острый дефицит надежных и адекватных материалу методов познания.

Чтобы обрисовать эти сложности, проследим сначала этапы, которые проходит человеческая мысль (вообще нечто, содержащееся или происходящее в человеческом сознании) перед тем, как становится возможным ее изучение. Прежде всего мысль эта должна возникнуть; но возникнуть она может поразному, в частности, разной может быть степень ее осознанности (ее место относительно полюсов «сознание – бессознательное»). Осознанное (еще лучше – сформулированное, отрефлексированное) может начать свой путь к чужим сознаниям; полу-, недо- и тем более вовсе неосознанное имеет на это гораздо меньше шансов. Далее мысль, коль скоро она достигла ступени сформированности и осознанности самим субъектом, может быть экстериоризирована данным субъектом в той или иной форме. Наилучший результат с точки зрения восприятия другими людьми будет достигнут в том случае, если человек выскажет свою мысль, желая при этом, чтобы другие люди именно эту его мысль

восприняли: тогда говорящий потрудится облечь мысль в более или менее подходящую для этого, по его мнению, знаковую форму. При этом он может попутно, сам того не желая, сообщить массу другой информации, которую внимательный интерпретатор сможет извлечь из его высказывания; извлечь информацию о процессах, протекающих в сознании человека, можно и не из высказывания, а, например, из его действий. Однако для таких процедур «извлечения» потребуются уже дополнительные знания, умения и методы, и в любом случае получить этими путями обычно удается меньше.

Экстериоризация мысли – еще не окончание ее пути. Так, сказанное вслух будет услышано лишь теми, кто находится рядом: звуковая волна – слишком недолговечный носитель информации. Куда надежнее папирус, пергамент, камень, бамбуковая дощечка, глиняная табличка; привычная нам бумага – тоже неплохо. Во всех случаях записанное можно прочитать много раз, многим людям и на протяжении многих лет (веков, тысячелетий, если повезет).

Итак, готовый материал для гуманитарного исследования представляет собою не всякая человеческая мысль, а мысль, во-первых, осознанная и оформившаяся, во-вторых, экстериоризированная, в-третьих, экстериоризированная с намерением донести именно эту мысль до чужих сознаний, наконец, в-четвертых, запечатленная в знаках на долговечных материальных носителях. Этим требованиям отвечают диалоги Платона, богословские трактаты средневековой Индии и научные труды Лобачевского и Эйнштейна. С небольшой поправкой – если говорить не только о рационально-логической мысли, но и, например, о художественных образах – в эти параметры впишутся сонеты Шекспира и романы Достоевского, а если к тому же иметь в виду не только языковые, но и другие виды знаков – то и полотна Рафаэля и Пикассо, равно как и симфонии Моцарта и Чайковского. Их-то и изучают современные гуманитарные науки: традиции исследования науки и философии, религии и искусства весьма развиты. Но очевидно, что содержание массового сознания под вышеназванные характеристики обычно не подходит и, как следствие, не может выступать как готовый, «удобный» материал для исследования гуманитарными науками. Это не означает, разумеется, принципиальной невозможности изучения: изучение явлений массового сознания возможно, но для реализации этой возможности исследователю фактически приходится «достраивать» пропущенные звенья описанной нами цепочки – осознание, формулирование, экстериоризация, фиксация в знаковой форме.

Главной предпосылкой этой неравномерной сложности исследования явлений общественного сознания видится происшедшее на заре истории человечества разделение труда, точнее – та его ступень, на которой выделился особый социальный слой людей, профессионально занимающихся интеллектуальной (интеллектуально-духовной) деятельностью. После этого стало возможным возникновение развитых форм религии и искусства, позже – появление философии и науки. Деятельность этих профессионалов интеллектуально-духовной сферы – поэтов, художников, авторов религиозных трактатов, философов, ученых – с давних пор являлась предметом рефлексии (разумеется, рефлексии представителей опять-таки того же социального слоя). Имеются в виду, например, возникшие уже в древности традиции толкования авторитетных текстов, а также появ-

ляющиеся несколько позже попытки осмыслить особенности отдельных сфер духовной деятельности человека (ярчайший пример из числа наиболее ранних – «Поэтика» Аристотеля). Постепенно эта рефлексия интеллектуально-духовной деятельности развивается во все более развернутые формы осмысления, в том числе (ближе к нашему времени) – научного изучения всего того, что создавала и создает интеллектуально-духовная элита. Это искусствоведение, литературоведение, науковедение, религиоведение и ряд других гуманитарных наук; философское осмысление тех же науки, религии и самой философии в их историческом развитии; литературная, художественная, театральная критика; существующие в разных религиях традиции толкования и комментирования священных текстов и др. Проблема, на которую мы хотим обратить внимание, заключается в том, что эти мощные, часто ставшие уже самостоятельными «отрасли» духовного производства в подавляющем большинстве случаев обращают свое внимание только на творчество людей, в той или иной степени профессионально, специализированно занимающихся теми или иными видами интеллектуально-духовной деятельности. В качестве одного из немногочисленных исключений можно назвать изучение фольклора. Одна из основных причин такого предпочтения – описанное нами выше различие между «достроенностью» и «недостроенностью» цепочки целенаправленной, настроенной на восприятие чужими сознаниями экстериоризации содержания сознания.

Впрочем, эта причина, безусловно, не единственная. Так, творчество во многих областях духовного производства в принципе доступно лишь людям, занимающимся этими родами деятельности профессионально. Таковы, например, большинство видов искусства, богословие, наука. Практически во всех областях духовного производства шансы дилетанта на широкое признание крайне невысоки*. Львиная доля населения Земли не создает не то что чего-либо ценного, но, правильнее сказать, вообще не создает ничего ни в науке, ни в религии, ни в искусстве. Следовательно, и исследовать здесь попросту нечего.

Стоит, однако, вспомнить, что и из созданного профессионалами лишь крошечная доля привлекает внимание толкователей и исследователей: если о Шекспире и Пушкине написаны горы книг, то многие тысячи малоизвестных поэтов разных эпох нередко лишены даже единичных упоминаний об их творчестве в критической литературе. Внимание прежде всего к вершинам – этот принцип явственно проявляется в большинстве сфер изучения созданного человеком. Таким образом, можно говорить о действующем здесь ценностном критерии отбора материала для изучения: чем более выдающимся, а следовательно, значимым с позиций тех или иных ценностей (эстетических, религиозных, познавательных и т. д.) оказывается произведение, тем большее внимание исследователей оно привлекает.

Однако ценностный критерий не срабатывает, если не достроена цепочка целенаправленной экстериоризации мысли и ее фиксации в знаках. Идеи, кото-

* Заметим, впрочем, что понятия «профессионал» и «дилетант» подчас весьма относительны, особенно в сфере словесного творчества: достаточно вспомнить, что по основной «профессии» древнегреческий поэт Гесиод был земледельцем, а древнееврейский пророк Амос – пастухом; много примеров дают и судьбы известных писателей прошлого и настоящего. Поэтому слово «дилетант» понимается здесь в широком смысле: имеется в виду не тот, кто не получил профессиональной подготовки, а тот, кто не посвящает себя той или иной деятельности серьезно.

рые обсуждал, к примеру, А.И. Солженицын в частных разговорах со своими знакомыми и случайными собеседниками, могут оказаться не менее ценными, чем те, которые он изложил в своих произведениях, но незаписанное, не запечатленное в материально выраженных знаках никем никогда исследоваться, комментироваться и обсуждаться не будет – уже не из-за отсутствия ценности объекта, а из-за его недоступности. Еще более яркий пример – идеи, возникшие в голове мыслителя, но по каким-то причинам ни разу не высказывавшиеся вслух; или образ в сознании художника, готовый к тому, чтобы стать картиной, но не ставший ею. И речь идет не о «сослагательном наклонении» в культуре (вроде «что написал бы Лермонтов, если бы дожил до восьмидесяти лет»), а о явлениях, реально существовавших (существующих), но в силу незафиксированности (идея высказана лишь в частной беседе) или отсутствия экстериоризации вообще (идея продумана, но не высказана) не могущих стать объектами исследования. Эта недоступность для исследования в чем-то сопоставима с хорошо известной проблемой утраты текстов: были написаны, но не дошли до нас сочинения Демокрита – и изучают его идеи по крупицам, доставшимся нам от цитировавших его и споривших с ним. И в то же время это недоступность совсем иного рода.

Если тот же Солженицын, рассказав кому-то в устной форме о своем осмыслении российской государственности, может после изложить эти идеи в очередной работе (то есть довести до ступени доступности любому интересующемуся), то сколько людей не сделали и уже не сделают свои идеи достоянием массового читателя в силу того, что далеки они от самой мысли что-то писать и издавать. Разве нет оснований допустить, что эстетические, нравственные, религиозные и проч. переживания и мысли, могущие представлять ценность для многих, возникают в сознании довольно-таки значительного числа людей, не связанных с духовным производством? Такие явления духовной жизни, однако, либо вообще не покидают внутреннего мира этих людей, либо становятся в той или иной форме достоянием лишь их ближайшего окружения; ценностный критерий в данном случае не срабатывает, ибо до этого «фильтра» материал просто не доходит.

Исследователям массового сознания приходится считаться с этой сложностью на каждом шагу. Содержание массового сознания не дано исследователю в готовом, сформулированном виде. Можно спорить о взглядах Платона на природу государства, но сами эти споры возможны потому, что есть тексты Платона, посредством которых их автор, во-первых, четко формулирует свои взгляды, а во-вторых, целенаправленно доносит их до всех, кому эти взгляды будут интересны (и вот они интересны большому количеству людей две с лишним тысячи лет спустя! – а рукописи хотя и горят, но часть уцелела и интерес этот удовлетворить готова). Но подавляющее большинство людей никогда не задавалось такой целью – выразить свои политические взгляды и запечатлеть их в форме, которая будет доступна всем потенциальным участникам протекающего в культуре «полилога». Конечно, мало кто может, подобно Платону, предложить потенциальному читателю развернутую философскую концепцию природы государственной власти; концепции создаются единицами из миллионов. Но отношение к ныне действующему правителю? Представления о том,

что этому правителю делать можно, а чего нельзя? Что можно и чего нельзя делать народным массам по отношению к власти? Лучше или хуже была власть 10, 20, 50 лет назад, чем сейчас? Какую национальную и религиозную политику следует признать правильной? – такого рода вопросы не есть прерогатива платонов, гоббсов и монтескье. Методы исследования массового сознания призваны выявлять подобные мнения масс.

Профессионалы духовного производства, творцы идей и образов каждым своим творением продолжают «полилог» культуры на правах его участников. Ученые, изучающие этот бесконечный «полилог», сами в свою очередь становятся его участниками. Массы же не участвуют в нем, они – «безмолвствующее большинство» («Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» – название одной из книг А.Я. Гуревича [1]), безмолвствующее в том смысле, что не имеют сознательного намерения «сказать свое слово» в многоголосице культуры. Книга одним фактом своего существования «напрашивается» на то, чтобы ее прочитали, восприняли ее смысл, согласились или поспорили; проявления массового сознания в этом отношении куда более «скромны» и не напрашиваются под микроскоп исследователя. Массовое сознание весьма скупо на выражение своего содержания в виде таких знаков, которые изначально создаются с расчетом на их прочтение. Сложность исследования массового сознания (по сравнению с исследованием сознания интеллектуально-духовной элиты) можно, таким образом, метафорично охарактеризовать так: того, кто стремится тебе что-то сказать, легче услышать, чем того, кто с тобой разговаривать и не собирался.

Методологические затруднения, о которых идет речь в настоящей статье, дают о себе знать при исследовании различных уровней и форм общественного сознания, однако в настоящей статье затрагивается прежде всего вопрос об изучении массового сознания. Категория «массовое сознание» является относительно новой для отечественного обществознания, и, как признаются исследователи, значительная доля неопределенности остается даже в самых фундаментальных его характеристиках [2, с. 10]. В трактовке значения этой категории намечаются различные линии.

А.К. Уледов определяет массовое сознание как «широко распространенные взгляды и представления людей», противопоставляя его сознанию специализированному: «специализированным является сознание, не получившее еще широкого распространения, например, научное знание» [3, с. 169]. Наряду со взглядами и представлениями А.К. Уледов включает в состав массового сознания чувства и эмоции; специфику массового сознания данный автор видит еще и в его направленности прежде всего на практическую деятельность [3, с. 173]. Согласно Г.Г. Дилигенскому, фундаментальными свойствами массового сознания являются, «...во-первых, социальная типичность всех образующих его компонентов, во-вторых, их социальное признание, санкционирование той или иной массовой общностью» [4, с. 7]. Явления массового сознания, таким образом, характеризуются в данном случае широкой распространенностью и типичностью.

Виднейший отечественный исследователь массового сознания Б.А. Грушин, посвятивший данному явлению специальную монографию [2] (он же яв-

ляется автором статьи «Массовое сознание» в «Новой философской энциклопедии» [5]), определяет массовое сознание через его субъект – массы, которые представляют собой «ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)» [2, с. 234–235]. Положив в основание определения массового сознания понятие «масс», Б.А. Грушин акцентирует тем самым такое свойство массового сознания, как неоднородность (в том числе неоднородность входящих в его состав взглядов и убеждений), и отчасти ставит понятие «массовое сознание» в один ряд с сознанием различного типа общностей (классовое сознание, национальное сознание, профессиональное сознание и т. д.). Вместе с тем в данной трактовке массового сознания эта категория связывается с процессами массовизации общественной жизни, протекающими прежде всего в западной культуре на протяжении последних полутора-двух веков (массовизация производства, потребления, досуга, коммуникации и т. д.). В этом случае понятие «массовое сознание» в какой-то степени продолжает ряд понятий «массовое общество», «массовая коммуникация», «массовый человек», «массовая культура».

Если настаивать на связи понятия «массовое сознание» с явлениями массовизации различных сторон жизни общества, то очевидно, что применять его можно лишь к явлениям общественного сознания последних одного-двух веков. Однако ряд исследователей активно использует термин «массовое сознание» при описании культур древности и средневековья. Так, В.С. Свечников пишет: «Магические представления существуют тысячелетиями в питательной и комфортной среде массового сознания...» [6, с. 168]. Термин «массовое сознание» применительно к средневековому обществу употребляет А.Я. Гуревич [7, с. 17]. А.Б. Ковельман называет свою книгу «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта» [8]. Очевидно, что в таком случае в термин вкладывается какое-то иное значение, и значение это легко выявить: говоря о массовом сознании, здесь имеют в виду как раз то, что сформулировал в приведенном выше определении массового сознания А.К. Уледов, а именно – «широко распространенные взгляды и представления людей».

На наш взгляд, в современных исследованиях массового сознания видна следующая тенденция: ученые, пытающиеся дать определение самому понятию «массовое сознание», поднимающиеся здесь на уровень методологической рефлексии, подчеркивают сложный и многогранный характер явления, его связь с сознанием масс как неклассических общностей. Те же исследователи, которых больше интересуют конкретные процессы, протекающие в общественном сознании, и которые применяют термин «массовое сознание» как готовый инструмент, не вдаваясь в анализ этого понятия, – такие исследователи чаще используют данный термин для фиксации явлений общественного сознания, имеющих массовую распространенность. Впрочем, В.К. Шумилов, осознавая существующие разногласия в трактовках, предлагает выделять традиционный и современный типы массового сознания [9, с. 10]. В исследованиях конкретных явлений современного массового сознания различие в трактовках термина не столь видно, но и здесь, на наш взгляд, большинство исследователей массового сознания выявляют в результате именно общераспространенное и типичное.

То, что современное массовое сознание есть явление, не имеющее аналогов в культурах отдаленного прошлого, не акцентируется, разве что анализ факторов, формирующих массовое сознание современного общества, включает в себя, например, роль СМИ и других явлений, указывающих на специфические, характерные лишь для новейшего периода истории особенности функционирования общественного сознания (см., например, [10]).

Строгость определения понятий в рассматриваемой сфере нередко размывается употреблением дополнительных формулировок, формально имеющих частичное сходство с формулировкой «массовое сознание». Проследим эту тенденцию на примере работы С.Я. Матвеевой и В.Э. Шляпентоха «Страхи России в прошлом и настоящем» [11]. С одной стороны, при анализе конкретного материала нуждаются в терминологическом оформлении конкретные черты, аспекты, тенденции массового сознания, и вот появляется формулировка «катастрофическое сознание» [11, с. 8]. При том, что слово «массовый» в этом словосочетании уже не присутствует, массовый характер катастрофического сознания подразумевается. С другой стороны, замене может подвергаться второе слово в словосочетании «массовое сознание», и появляется, например, формулировка «массовые страхи» [11, с. 5–7]. Трансформация и уже полная замена формулировки происходит также за счет слов, по смыслу в той или иной степени близких слову «сознание». В результате фактически один и тот же материал «схватывается», иногда в различных своих аспектах, целым спектром формулировок: «катастрофическое сознание», «катастрофическое мышление» [11, с. 74], «массовые страхи», «массовые катастрофические настроения» [11, с. 72], «катастрофическая ментальность» [11, с. 6] и т. д.

Следует ли рассматривать такое «размывание» и «плавное перетекание» формулировок как нечто негативное или позитивное? На наш взгляд, с позиций интересов науки уместнее вторая оценка, так как сам исследуемый материал своей многоаспектностью диктует необходимость гибкого подхода и отвергает раз и навсегда застывшие формулировки. Ученые, осмысливавшие соотношение понятия «массовое сознание» с некоторыми другими, «близлежащими» понятиями, отображающими структуру общественного сознания, неоднократно отмечали тесную связь между ними. Говорилось, в частности, о нетождественности и вместе с тем – частичном совпадении содержания понятий «массовое сознание» и «общественная психология» [12, с. 13–15; 13, с. 14], «массовое сознание» и «менталитет» (о менталитете как «устойчивом элементе массового сознания» пишет Л.Н. Столяренко [14, с. 8]).

Легко заметить, что понятие «массовое сознание» может пересечься с понятием «народная (фольклорная) культура». Проблему соотношения «ученой» и «фольклорной» культур, сосуществующих и взаимодействующих в рамках одной общей национальной культуры, разрабатывает в XX веке школа Анналов (М. Блок, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф и другие). При всей, подчас полярной, идейной разнородности, которая часто наблюдается в пространстве «ученой» («книжной», «официальной») культуры, в значительной степени соотносимой с культурой интеллектуальной элиты, пространство это представляет собой, тем не менее, определенное единство, ибо спорящие спорят все-таки на одном языке, предлагая пусть разные решения, но одних и тех же проблем. Вместе с тем

стоит только выйти за рамки тонкого образованного слоя любой культуры, и сами эти проблемы, противоречия, идеи часто оказываются чуждыми и непонятными широким массам простого народа. Как отмечает К. Ясперс, при всей колоссальной значимости идей Платона и Канта для истории философии, есть основания серьезно усомниться в их влиянии на культуру всей совокупности социальных слоев современных им обществ [15, с. 256]. Вышеуказанная дистанция заслуживает большего внимания, чем ей до сих пор уделялось, так как при анализе конкретного материала становится возможным заметить различия, иногда весьма существенные, между культурными парадигмами интеллектуальной элиты и широких масс одного и того же общества.

В современной отечественной науке обращение ученых к данной проблеме до самого последнего времени является скорее спорадическим, хотя внимание к ней возрастает. В этой связи необходимо упомянуть о видном российском историке А.Я. Гуревиче, который посвящает описанной проблеме многие свои труды.

Пересечение понятий «массовое сознание» и «народная (фольклорная) культура» основано на том, что оба понятия могут охватывать примерно один и тот же объем явлений, так как в обоих случаях речь идет о представлениях, убеждениях, ценностях, оценках, поведенческих установках и т. п., имеющих широкое распространение в обществе. Несмотря на различный генезис понятий «массовое сознание» и «народная культура», несмотря на то, что понятия эти функционируют в разных понятийных системах, оба они выводят на осмысление одних и тех же или схожих аспектов изучения общественного сознания. На наш взгляд, для выделения и того, и другого базовой предпосылкой является оппозиция «меньшинство, профессионально занимающееся интеллектуальной деятельностью» – «большинство, не занимающееся профессионально интеллектуальной деятельностью». Эта оппозиция является принципиальной и для выделения понятий «общественная психология» и «менталитет».

В то же время, если категория «народная (фольклорная) культура» по определению не отражает сознание меньшинства, профессионально занимающегося интеллектуальной деятельностью, то этого нельзя сказать ни об общественной психологии, ни о менталитете, ни о массовом сознании (за исключением того подхода к последней категории, который посредством нее противопоставляет сознание масс и сознание интеллектуальной элиты; впрочем, подход этот задействует в большей степени категорию «масса», нежели категорию «массовое сознание»). И все-таки вышеназванная оппозиция, связанная с выделением людей, занимающихся умственным трудом, в отдельный социальный слой, играет решающую роль при исследовании всех названных слоев и уровней общественного сознания, и вот почему. Носителем массового сознания, общественной психологии, менталитета может быть в том числе и писатель, философ, ученый; но при этом писатели, философы, ученые имеют возможность сказать свое собственное слово в той или иной области, и оно – это слово – будет стоять особняком, никак не соизмеряясь с сознанием масс, и услышано толкователями и исследователями-гуманитариями оно будет в первую очередь (по причинам, которые рассматривались выше). Изучение же массового сознания, хотя и не исключает из поля своего рассмотрения интеллектуаль-

ную элиту, интересуется в первую очередь не ею, а «безмолвствующим большинством» – и потому, что последнее количественно всегда превалирует (а значит, больше отвечает критерию широкой распространенности и типичности), и потому, что интеллектуальная элита почти никогда не отображает содержание массового сознания адекватно.

Итак, массовое сознание и явления, близкие ему, не дают исследователю в готовом, «удобном» виде, «на блюдечке с голубой каемочкой» информацию, прошедшую весь путь: «осознание и отрефлексированность – целенаправленная экстериоризация – запечатленность в долгоживущих знаках». Соответственно, сущностью многих методов исследования массового сознания, а также некоторых близких ему слоев и уровней общественного сознания выступает, на наш взгляд, нечто вроде искусственного «достраивания» цепочки экстериоризации.

Рассмотрим в этом контексте применяемые в науке методы исследования массового сознания. Б.А. Грушин пишет о чрезвычайной сложности исследования массового сознания, природа и свойства которого «с большим трудом поддаются фиксированию и описанию, поистине неуловимы с точки зрения строгих определений» [2, с. 141]. Общественное мнение, «совпадающее с вербальной реакцией публики на различные события и факты жизни и, следовательно, представляющее собой, так сказать, массовое сознание в чистом виде (массовое сознание in actu, в действии)» [2, с. 164], можно изучать, по мнению того же Б.А. Грушина, двумя основными группами методов: это, во-первых, методы изучения объективированных фактов сознания, такие, как наблюдение (внешнее и участвующее), анализ документов (личных и общественных), анализ практических действий (отдельных лиц и масс), а во-вторых, методы изучения непосредственных фактов сознания, например, опросы, беседы, анкетирование и т. п. [16, с. 30].

Что представляют собой опрос и анкетирование? Не что иное, как достраивание отсутствующих звеньев в цепи целенаправленной экстериоризации. Исследователь формулирует вопрос; подразумевается, что респонденты имеют какие-то мнения, знания, представления, позволяющие что-то на этот вопрос ответить, но сам вопрос является средством, вынуждающим респондента *сформулировать* эти слабодифференцированные мнения и представления. Далее, респонденты по заданному шаблону *экстериоризируют* то, что позволил им сформулировать вопрос, причем делают это в форме, позволяющей исследователю сохранить результаты этой экстериоризации – хотя бы в переработанном им виде – *на надежных носителях информации*, в идеале еще и тиражировать зафиксированную таким образом информацию. Результаты опроса, обработанные по всем правилам социологической науки, оказываются, таким образом, функционально тождественными (в рассматриваемом плане) «Государству» Платона или «Левиафану» Гоббса – в том смысле, что являют собой сформулированную и зафиксированную в «долгоживущих» знаках позицию по тому или иному вопросу.

Ясно, что методы опроса и анкетирования могут быть применены лишь при изучении современного массового сознания. Исследовать массовое сознание минувших эпох оказывается возможным в основном по анализу докумен-

тов, из которых мы можем узнать как о действиях больших масс людей (и косвенно – о мотивации этих действий), так и непосредственно о взглядах, убеждениях, мнениях этих масс. В некоторых случаях доминирующие тенденции осмысления мира массами находят прямое, сформулированное выражение – например, в зафиксированной летописцами идеологической сути крестьянских восстаний или массовых еретических движений. Здесь уже кто-то (например, летописец) проделал, с той или иной степенью точности, работу по формулированию и фиксированию содержания массового сознания. Чаще, однако, содержание массового сознания прошедших эпох выявить не столь просто, и причин тому несколько. Во-первых, количество источников информации об отдаленных эпохах всегда ограниченно. Далее, одни идеи, взгляды, представления являлись для той или иной эпохи дискуссионными, активно обсуждались на разных уровнях, а другие существовали в качестве «фоновых» и, как правило, не формулировались (или даже не осознавались), хотя и составляли важную часть идейного облика культуры. Кроме того, внимание авторов дошедших до нас текстов далеко не всегда было обращено на те аспекты описываемых явлений и вообще на те явления, которые интересуют современных ученых; с этой проблемой, впрочем, исследователи самых различных областей культуры сталкиваются повсеместно. Значительные сложности создает и нередкая ситуация искажения взглядов своих оппонентов (часто – политических противников) авторами, занимавшими определенную позицию в идеологических конфликтах прошлого. В сочетании с тем фактом, что интеллектуальная элита по ряду причин значительно чаще запечатлевала взгляды правящих слоев, чем простого народа, это значительно осложняет изучение массового сознания.

Следовательно, судить об исторических формах массового сознания в большинстве случаев оказывается возможным лишь косвенно. Здесь, в частности, эффективен широко известный в науке прием: из текста той или иной эпохи извлекается информация, которую автор этого текста не намеревался в него вкладывать. «Особую важность для историка, – пишет А.Я. Гуревич, – имеют ненамеренные показания источников, в которых их авторы «проговариваются» о сущности своей культуры как бы против собственной воли» [17, с. 209]. На материале европейского средневековья, письменные источники которого крайне редко отображают культуру социальных низов, А.Я. Гуревич показывает, как можно извлечь информацию о народной культуре из пособий для исповедников, проповедей, предназначенных для простого народа, из юридических документов, из произведений, о которых известно, что они пользовались у широких народных масс большой популярностью, и т. п. [1, с. 49, 55–59, 66 и др.]. Подобным же образом К.В. Чистов называет в числе главных источников информации об исследуемых им народных социально-утопических воззрениях феодальной России «расспросные листы», протоколы «пыточных речей», донесения и доносы, а также «прелестные письма», манифесты и прокламации восставших или беглых крестьян, воспоминания и т. д. [18, с. 13 и др.]. Но в таких случаях часто возникают сомнения: насколько адекватно *единичные* документы отображают содержание *массового* сознания.

Такие категории, как «массовое сознание», «групповое сознание», «общественная психология», «менталитет», изначально нацелены на отображение

таких мнений, знаний, оценок и т. д., которые являются общими (идентичными или схожими) для больших групп людей. В этом случае цепочка звеньев экстериоризации и, следовательно, возможность изучения продукта этой экстериоризации по природе проблематичны. Чтобы получить обобщающие характеристики философских школ или направлений в искусстве, достаточно окинуть исследовательским взором их крупнейших представителей и вычленить таким образом те черты, которые их объединяют (а также те, которые их разъединяют на отдельные подгруппы). Фактически, здесь у ученых есть возможность прибегнуть к методу полной индукции, даже если ее полнота всегда относительна. Материалом для обобщения выступают уже готовые, зафиксированные в знаковой форме продукты экстериоризации сознания отдельных деятелей культуры. Но полная индукция неприменима при исследовании сознания больших групп людей; тот же социологический опрос представляет собой неполную индукцию, да и она применима далеко не везде. В любом случае представляет значительную сложность переход от уровня индивидуального сознания к уровню массового сознания, особенно – от индивидуальной психологии к массовой психологии. Перенесение закономерностей индивидуальной психологии на уровень общественного сознания сопряжено с рядом методологических трудностей, описанных, в частности, В.А. Шкуратовым в его книге «Психика, культура, история» [19, с. 85–108].

Напомним, что среди методов изучения массового сознания называлось изучение форм массового поведения. В этом случае экстериоризация содержания массового сознания присутствует, но не является целенаправленной попыткой донести какую-то информацию до участника культурного «полилога». Таким образом, исследователю опять-таки приходится «достраивать», а частично – «перестраивать» цепочку экстериоризации, «разворачивая» ее в нужном ему направлении. Так, из факта восстания масс, имевшего место в Древнем Китае, можно сделать вывод как минимум о том, что эти массы считали такого рода восстание допустимым. Сопоставляя факты и проявляя искусность в их трактовке, можно пойти в выводах и дальше и заключить, например, считали ли эти древнекитайские народные массы своими врагами только высокопоставленных чиновников или же еще и императора; что именно они стремились (и стремились ли вообще) изменить в общественном устройстве и т. д.

Заметим, что и о взглядах выдающихся деятелей культуры тоже могут кое-что сказать их поступки: этот не сотрудничал с такими-то издательствами, а с такими-то сотрудничал (чем не указание на его идеологические симпатии и антипатии!), а у такого-то в кабинете стоял бюст Фихте. И все же подобное косвенное «извлечение» информации в случаях с писателями, философами, художниками играет, как правило, в лучшем случае второстепенную роль. При изучении же сознания широких народных масс такого рода свидетельства приходится активно использовать, так как выбор не богат. Но очевидно, что извлечь таким путем детальный и адекватный до мелочей слепок человеческого мировоззрения на порядки сложнее, чем иметь дело с выражением мировоззрения в текстах.

Некоторые пласты общественного сознания находят свое отражение в текстах и прочих артефактах знаковой природы и тем не менее остаются трудно-

доступными для исследования. Так обстоит дело, например, с исследованием менталитета; в значительной степени это касается и массового сознания. Связано это с тем, что в цепочке «возникновение мысли – рефлексия – экстериоризация – знаковая фиксация» выпадает звено рефлексии, при том что последующие звенья могут и присутствовать. Если ученый ставит перед собою задачу изучать научные или философские идеи, то в «Происхождении видов путем естественного отбора» Дарвина или в «Критике чистого разума» Канта буквально все будет относиться к интересующему исследователя аспекту; аналогичным образом обстоит дело с исследованием поэтики романов Тургенева. Однако разве не проявляется в тех же самых текстах, к примеру, национальный менталитет? Безусловно; но для того, чтобы дойти до его изучения на материале этих текстов, нужно научиться экстрагировать «национально-менталитетное» содержание, отделять его от того, что проявлением национального менталитета не является. Необходимо найти методологию такого «экстрагирования», а это весьма непросто: по крайней мере, на сегодняшний день с этой задачей гуманитарные науки, на наш взгляд, справляются довольно слабо.

Позволим себе небольшое сопоставление с геологией. Алюминий, будучи весьма распространенным элементом для пород, слагающих земную поверхность, был получен в чистом виде сравнительно недавно, в то время как золото или серебро, значительно более редкие, встречаются в чистом виде в самой природе и поэтому были известны людям с глубокой древности. Аналогичным образом дифференцированное изучение художественной литературы, философии, религии как видов духовной деятельности началось очень давно, тогда как выделение в структуре общественного сознания таких слоев, как общественная психология, менталитет, массовое сознание, или в структуре культуры – «народной», «фольклорной» культуры происходит значительно позже, иногда чуть ли не в наши дни.

Одним из основных способов заставить материал говорить о нужных исследователю вещах является привнесение в ткань исследования неких ориентиров, отправных точек, происхождение которых является, однако, внешним по отношению к исследуемому материалу. Как подойти, например, к изучению национального менталитета? Взяв за отправную точку отношения индивида и общества, отцов и детей или человека и природы, можно просмотреть весь материал сквозь эту призму и получить определенный результат. Аналогичный прием действенен при изучении массового сознания. Причем до тех пор, пока исследователи не увидят некой проблемной сферы, не осознают возможность применения ее в качестве ракурса рассмотрения материала, материал может сколь угодно долго «безмолвствовать» относительно проблем этого круга.

Заметим, что при оперировании категорией «классовое сознание» такой «привнесенный извне» ориентир содержится в самой категории: в данном случае это прежде всего классовые интересы. Содержательный диапазон явлений, могущих относиться к классовому сознанию, достаточно широк – вплоть до таких далеких, казалось бы, от экономических оснований выделения понятия «класс» сфер, как эстетические оценки и нормы научной деятельности. Однако при выделении, «экстрагировании» из тех или иных текстов, высказываний, тенденций поведения их элементов, относящихся к классовому сознанию, ис-

следователь заранее имеет вышеупомянутое мерило, критерий такого «экстрагирования». Можно добавить, что категория «массовое сознание» такого предзаданного ориентира в самой себе не содержит.

То, что мы называем здесь «привнесенным ориентиром», призвано восполнить недостающее звено осознанности и отрефлексированности определенного содержания сознания. Без этого звена информация может и экстериоризироваться, и даже запечатлеться в знаковом выражении, но все равно останется невидимой гранью высказывания, невидимой как для говорящего, так и для воспринимающего. Тем острее необходимость этого звена при отсутствии последующих звеньев цепочки, а при исследовании массового сознания дело чаще всего обстоит именно так. К примеру, многие ценности, господствующие в массовом сознании, проявляются в тенденциях массового поведения, в существующих нормах этикета, они могут быть выявлены через исследование единичных оценок тех или иных явлений, но четко сформулировать лежащие в основе всего этого ценности, да еще в их взаимном соотношении, под силу лишь ученым, но никак не большинству носителей этих ценностей.

Завершая наше обозрение сложностей, которые стоят перед исследователями массового сознания, и путей преодоления этих сложностей, заметим, что данный предмет не должен недооцениваться, так как может раскрыть, по мере нахождения к нему все более адекватных «ключей», еще очень много ценного для самых различных отраслей гуманитарного знания.

Summary

E.S. Maslov. The philosophical analysis of difficulties arising at research of mass consciousness.

The most convenient material for humanitarian researches is the result of the sequence: “occurrence of idea – its reflection – purposeful exteriorization in the sign form – fixing in the sign form”. Creations of intellectual elite usually can be apprehended by scientists in this form. Contents of mass consciousness do not pass this way, therefore difficulties in its consideration appear. Essence of many methods of research of mass consciousness is an artificial construction of parts of this sequence.

Литература

1. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
2. *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
3. *Уледов А.К.* Структура общественного сознания. – М.: Мысль, 1968. – 324 с.
4. *Дилигенский Г.Г.* Марксизм и проблемы массового сознания // Вопросы философии. – 1983. – № 11. – С. 3–15.
5. Массовое сознание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2000. – Т. 2. – С. 503–504.
6. *Свечников В.С.* Магичность массового сознания // Человек. – 2004. – № 2. – С. 165–175.
7. *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.

8. *Ковельман А.Б.* Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта. – М.: Наука, 1988. – 190 с.
9. *Шумилов В.К.* Теоретические аспекты модернизации массового сознания: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Чебоксары, 2001. – 22 с.
10. *Деларю В.В.* Социальная экология и массовое сознание. – Волгоград: ВолгГАСА, 2000. – 203 с.
11. *Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э.* Страхи России в прошлом и настоящем. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 180 с.
12. *Любивый Я.В.* Современное массовое сознание: динамика и тенденции развития. – Киев: Наукова Думка, 1993. – 141 с.
13. *Дунаева Н.Н.* Трансформация структурных компонентов массового сознания в условиях транзитивного российского общества (региональный аспект): Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 30 с.
14. *Столяренко Л.Н.* Трансформация массового сознания российского общества: социально-философский анализ: Автореф. дис. … д-ра филос. наук. – Ростов н/Д, 2000. – 59 с.
15. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М.: Изд-во полит. лит., 1991. – 528 с.
16. *Грушин Б.А.* Проблемы методологии исследования общественного мнения: Автореф. дис. … д-ра филос. наук. – М., 1966. – 35 с.
17. *Гуревич А.Я.* О соотношении народной и ученой традиций в средневековой культуре (Заметки на полях книги Жака Ле Гоффа) // Французский ежегодник. 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 209–224.
18. *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды. – М.: Наука, 1967. – 342 с.
19. *Шкуратов В.А.* Психика, культура, история. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1990. – 256 с.

Поступила в редакцию
03.02.06

Маслов Евгений Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного университета.